

чтожество), мы узнаем от своего автора. Ну, а что представляют собой остальные действующие лица? Что представляют собой мужик Екаторин Иваныч. Георгий Дмитриевич? Деputат, общественный деятель, у которого, по собственным его словам, «от работы шея трещит»; но только не собственными, что словами: наш шлем мы не носим, какой-то такой отсидел. Единственное, что мы знаем, что он бесмысленно ревуется там, где нет никаких оснований, а сидит там, где может бы решиться; что он склонен к монополю; что он терпит подли себя Ментиков, а которого сам знает, что тот «парашит... и существует только благодаря нечестлидотности»; что он способен неразумно отнестись к прелестям герничной своейруги художника Коромислова. А этого Коромислова? Быть может, и не плохой, но лишенный соренности человека. Но человек из дурных привычек: «...никогда не отказывается от женщины, которая сама идет... из рука». Из току же, как художник, он, назрное, талантливы, ремесленник, пишущий «голыи бабы», должен быть из роу тых, что выставляются на выставках петербургского общества художников. Это особенно видно из поведения действа. когда он, еще не при естествознании обидчивый, из присутствия полупьяных гостей и слова о закуской и выпивки, пишет «Саломей» с Екатерины Ивановны, оспившей барокрасивым рефрактором. В этот пудлингомо сейчас, невыносимо утрой тогда ветором напоминаем что-то из роу истинств. «Мисаровичаи пещеру», сиваляется не только дурной образ художника Коромислова, но еще в большей степени дурной жаул автора.

Остается еще брат Георгий Дмитриевич, Алоксий, кажется, породичный немоша. Но и о нем мы знаем лишь то, что он спортсмен из современного духа, развивающий мускулатуру и ходить не умеющий. В этии безразличных быстлать современности, располагая о Дуге, а спорть, из этой «Саломей» с близким и публиковом союзом у художника Коромислова, когда видим те черты дурного юуса, который составляет всю атмосферу «Екатерины Ивановны». В этой атмосфере Екатерины Ивановны все чистей дубизм, как сотора сд, дла, эти чистей женщины в матери мускулатуры, неизбежно должна превратиться в «барынку», как называет ее из послышом действа Коромис-

лов. «Барышня!» Что же остается ей, как не «пойти по рукам» от Ментикова к Коромислову, от Коромислова к Толпоскому и дальше в дальне. Барышня! Какое убогое, пошлое слово: нечестлидотный сибс чего-то семейного, долмашего с пурой, дурани в адхтерости! И не выстроил мужа превращают «чистую Катю» из барыню, а среда дурного юуса, созданная для нем Леонидом Андреевым.

Темом главными ошибками автора, правящими из мейоруж его проповедания. Но сие, из пшсь еще другие неузнаемые черты.

Там, из самыми неприятными принадлежностями явно надуманное одинокое окончание второго и четвертого актов. Во втором акте, где Георгий испытывает несть полуголодной ругани с Екатериной Ивановной и ее время ограничена он не знает, что она отдалась Ментикову и дла была от него беременна, — автор назбрив не заставляет думаться Екатерину Иванову из другую комнату и играть там в режис, для того только, чтобы дать выйти на сцену Ментикову. Простотой встречи Ментикова с Георгием, от обитывающих вбсолютными неоначальными фразами «...Могаче. Ментиков (коплет портскаут): «Пиларскому не хотите. Георгий Дмитриевич?» Могаче. Георгий Дмитриевич: «Давайте». Завякис.

Совершенно так же кончается и четвертый акт. Екатерина Ивановна убавла в автомобиль с Толпоским. Гости разошлись. На сцене — Ментиков, Георгий и плачущая дла. ...Ментиков: «Убавла дла Екатерина Ивановна» (могаче, ваюх). Петроскому хотате, Георгий Дмитриевич?» (Георгий Дмитриевич вбсолютно итвенный с неопределяемыми выражениями смотрит на него и берет пиларскую. Завякис).

Для дла пиларсочки крайне характерны для того тола, из которого написана жда пшса. Но замислу автора от длашны приобрити значительность символа, из вах: — научная община, завысшая и жеманная власть мейор. Не зряже, указаний наизбранности этого приза, не вярты и не подается убеждение.

И говорил только об отщидеальной стороне драмы Андреева. потому что длашней было объявить, почему «Екатерина Ивановна» не акция услуга. Но и из неудач своей Андреев же же остается баш-

пшии художником. Отбавляя фигуры написаны живописно и убедительно. И если Андреев не справился с судьбой своих героев, то, может быть, именно потому, что, созданные справедливыми теоретиком Андреева-художника, они ждали собственной жизнью и не захотели личными надуманной конотрации Андреева-драматурга.

Художественный театр несколько не поинев из неурств «Екатерины Ивановны». Боже того, сию думать, что во всякой другой постановке, на всяком другом театре пшса была бы осуждена на безусловный провал.

В Художественном театре пшса Андреева нашла превосходный исполнитель. Г-жа Германова дла очень много из роу Екатерины Ивановны. Артистка лиричными чертами вытвляла образ дупешного вадомы и вытвляла умкранья. В третьем акте, из сцен с Коромисловым, она уже — «барышня», уже мертвец с покрашенными глазами, «прот понавляла». Матусова мука с безомальной гда, из пшсой сцене посидящего акта будит торное сострадание. Г-жа Германовой удалось дот основную линию судьбы Екатерины Ивановны, — общности, бездлажности, безомности пшса.

Г. Качалов сдлал Георгия баше интересным, чем ему надлежало быть по пшсе. Он обогатил его тат, свойственными этому превосходному артисту объявления, за которыми лихислым потел и сгладил стухающий образ дупешта Отбавила. И благодаря этому фигура Екатерины Ивановны и судьба ее тбсолютно етбавилась на второй пшсе.

В роу художника Коромислова Мосинев проявил оное из высшей степени свойственное ему градопичное спеническое качество: удивительную выключность, почти скупость спенических эффектов. Благодаря этому образ художника Коромислова и жство его из пшсь обогатился мейорими, но очень определенными, очень убедительными и аномизованными чертами. Но и о нем можно сказать то же, что и о Качалов: он убавля Коромислову чотуцу своего собственного дарования, сдлал его значительным и интересным.

Этого упреля нельзя сдлать господину Ворогов, сдлатьотвержене сырамому ничтожного Ментикова. Талантливый молодой артист сумел вызвать у зрителей то чувство гадливости, которое должно вым-

нять из себя этого ничтожного паразита.

Хорош был и г. Беренсон в роли Алены, выигравшей имя очес престо, с большой манерностью и хорошей одетостью.

Г-ж Коонен превосходно удались Аночка второго акта, петровушки, непосредственный и капризный ребенок. Нисколько безвкусно этого образ из третьих и четвертого актов.

Должно еще отметить г-жу Муратову (Вера Никитична), г-жу Раземку (Татьяна Андреевна) и г. Подгорного (отсутств. Осипов).

Во постановки «Екатерины Ивановны» театр держался серьезного и живого тона своих лучших реалистических достижений. Декорации замечены хорошо и просто, и уютны, край второго действия, где видны робкий и не совладавший славянскими попытками искусственно оживить колорита.

АЛЕКСАНДР КОЙРАНСКИЙ.

Русский Интеллигент Восток.

Луджественный театр. «Екатерина Ивановна» Леониде Андреева

После успеха во Львове. Первые два акта сопровождались аплодисментами; третий окончился при полных молчаливых зрителях; после четвертого бурно-пестроты и видные аплодисменты борлись с очень трогательными и дружными шлепками. И эти моменты протеста отнеслись, конечно, не к несовершенству, которому немая не воздает рыданиями, а к тем, кто, в эти часы, когда шлепает, шлепая заслуживший их.

Но так как заслужили их, что на ней масок пропалит маскозид, — это не вычисляется большинством зрителей. Замечательна публика, что здесь в «Crime d'amour» Бурже, в «Madame Bovary», в кое-кто Кюта Гасеми, в немного Достоевского. Отношение к ближнему человека падением к другим, это — «Crime d'amour»; с ступеньки на ступеньку из области аналитики, с последней адогматизированной индивидуальности, с быльничества и быльничества отчаянности в духе, это — «Madame Bovary»; суровое отношение к сладостям утрат жизни при сознании невозможности их удержать, это отчаянность прерывания к себе, это — из Кюта

Гасеми; наконец, шотландский норманский писания Екатерины Ивановны («Развиль» мы не помним, что и от прерывания отдалась выжить?), это — Достоевского (вспомните хотя бы раскаявшийся князь Аглай о причинах ухода от него Нестесны Филиппович).

Содержание «Екатерины Ивановны», может быть, назвать читателя: оно довольно подробно было изложено из печати несколько писателей тому назад. На всякий случай из коротких словачек напоминаю его. Периодически злободневная мучка во действительности, убивающая из дома, Екатерина Ивановна «из прерывания», «из горькой обиды» отдается ничтожному человеку, чувству отчаяния и к нему, и к своему постыку. Через несколько месяцев происходит применение к мужку, которому Екатерина Ивановна открывает свой постык и который постигает весь ужас душевного состояния, побуждающего ее к такому. Но раз пробужденные души за разругивают внутренний лодок Екатерины Ивановны, и через год или два мы видим ее уже отчаявшейся, перешедшей от мужика к мужика, к большому выискивающей заслуженный, измучившейся, подражающей, стареющейся удерживать при себе любовником и переживающей такое прерывание к себе самой, что одиознейшим источником из душевного она представляется самому себе. Но самоубийством одило здесь на означивается: автор дарует Екатерине Ивановне, предвзятой автору, самый главный преставитель себя ее будущее существование.

Если читатель, можете даже считать пьесу немыслимой; можете прочесть из ней такое учение: относиться бережно к душе человека, ибо, несправедливо оскорбленная, она становится убивающей темных, вливающих, и утраченной чистота во возмущается. Правильно или неправильно такое заявление, есть ли в пьесе действительная «мораль», или нет, хотя автор доказывает современную женщину или измученную «вечность», — но все это остается из анализа, из идей, а на сцене — уныло — только патология. Улыбнувшись автору изображает перед нами душевную муку Екатерины Ивановны так, чтобы за отвратительной ее тайной к мужикам мы увидели оскорбленное сердце, изуродованную нечеловеческими

притеснениями жизни, сознание гибели и гибель семьи! Пьяная руга на сцене, но зритель должен отступить: жить. Автор не сохранил общепринятых писания героини, не показав нам ее внутренней необходимости. Она привнесла Екатерину Ивановну спутником в дом, а против немыслимых притеснений, против прощания автора зрителя, конечно, протестует. Возможно ли из действительности путь, пройденный героиней? Возможно, конечно, но зритель знает, что не признает его общности и может заинтересоваться лишь его безличной стороной. «Чорт ее знает, куда она идет», — досаждают злобники Коромислову мужу Екатерину Ивановну писанию героини, — то ли она распутничает, то ли она молится своим распутничать или там упрямится... для нас распутство или начало, или конец... ее уныло и молча, ее рай и ад... Но и эти пояснения не делают для нас интереснее образ Екатерины Ивановны, и как бы нас ни притягивали видны за судьбой Екатерины Ивановны нечто глубокое, важное, общее, — мы видим только патологический случай; может быть, интересный для психиатров и врачей, но неприятный на сцене, и: — passez moi le mot, — неужели.

В своей конструкции пьесы мы видели какую-то странную безнормальность. Для чего купили четвертый акт? Развиль он привнесает какую-нибудь новую черту к облику Екатерине Ивановне, уже известному нам как третьего акта? Мы видели, как она превратилась из Коромислова из третьих действий; так же превратилась теперь она к другим мужикам; но даже если предположить, что действительно ей надобно на мужиках может играть какую-нибудь роль из ее характеристика, — все это уже было несправедливо и разговору между Коромисловым и мужиком героини, опит-таки из третьих действий. Автор выступает слишком расчужденно для изображения Екатерины Ивановны, уже окончательно сошедшейся с публикой, отдавая этому изображению без всякой нужды для акта, и не жертвует ни одной сценой для описания пережитого между применением к мужикам и началом полета вылета. Может быть, четвертый акт негоден для личности геро-